

Тищенко Наталья Викторовна

Tishchenko Natalia Viktorovna

доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры истории Отечества и культуры
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю.А.

D.Phil. in Cultural Studies, Professor,
History of Russia and Culture Department,
Saratov State Technical University

РОЛЬ АВТОРСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРЫ

THE ROLE OF THE AUTHOR'S METHODOLOGY IN CULTURAL STUDIES

Аннотация:

Статья посвящена анализу специфики объекта и методологии современных исследований культуры. Посредством сравнения влияния концепций М. Бахтина, В. Дильтея, Ч. Сноу и М. Фуко на научное познание намечаются основные траектории развития исследований культуры. Современное состояние культурологических концепций определяется разнообразием авторских методологий и подходов. С использованием терминологии В. Фатющенко предлагается разделение гуманитарных текстов на «поэтические» и «художественные». Автор статьи приходит к выводу, что задача гуманитарных текстов заключается в формулировании «уникальных» систем объяснения процессов и артефактов, тогда как естественно-научное знание выявляет типичные факты. К сожалению, современная логика научного познания стремится интерпретировать гуманитарное знание с точки зрения типичности и рекуррентности, игнорируя уникальность индивидуального опыта познания действительности.

Ключевые слова:

исследования культуры, авторская методология, художественное творчество, объективизм, индивидуализм.

Summary:

The research analyzes the specific nature of the focus and methodology of modern cultural research. By comparing the impact of the concepts of M. Bakhtin, V. Dilthey, C. Snow, and M. Foucault on scientific knowledge, the author identifies the main development trends in cultural studies. The current state of cultural concepts is determined by the diversity of the author's methodologies and approaches. Based on the terms developed by V. Fatyushchenko, the humanitarian texts should be divided into poetic and artistic ones. The author concludes that the task of humanitarian texts is to establish unique systems for explaining processes and artifacts while natural science knowledge reveals typical facts. Modern logic of scientific knowledge seeks to interpret humanitarian knowledge from the typical and recurrent standpoints and ignores the uniqueness of the individual experience of perceiving reality.

Keywords:

cultural studies, author's methodology, artistic creativity, objectivism, individualism.

В исследованиях культуры долгое время огромную роль играла личность автора: его жизненный, исследовательский опыт, мировоззренческая позиция, широта эрудиции, психологические особенности личности. Субъективное восприятие культуры являлось основной ценностью и могло быть возведено в ранг объективного изучения культурных феноменов благодаря авторскому гению, силе творческого убеждения. Такие понятия, как «авторская позиция», «авторское прочтение», «авторский взгляд», были не просто частью научной риторики, но важнейшей смысловой составляющей дискурса гуманитарного знания. Восприятие культуры, анализ развития культуры представлялись действиями, тесно связанными с художественным творчеством. Понимание культуры, культурных процессов подразумевало одновременное, параллельное создание, творение нового произведения – авторской концепции, книги, текста. В результате грань между художественным творчеством и исследованием в изучении культуры зачастую стиралась, становилась не принципиальной. Фигуры писателя и исследователя в гуманитарном знании если не совпадали, то достаточно тесно соотносились друг с другом.

Соответственно, и анализ гуманитарных текстов постоянно использует терминологию и определения из области искусства и художественного творчества. Например, В.И. Фатющенко, проводя параллели между творчеством Ф.М. Достоевского и идеями русских религиозных философов (В.С. Соловьева, Д.Л. Андреева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка и др.), разделяет авторов на «поэтов» и «художников». «Поэты» – это своеобразные «пророки», «глашатаи эпохи»; их тексты представляют собой совокупность всех базовых, фундаментальных идей, характерных для определенного социального времени и пространства. Им противостоят «художники» – авторы высочайшего уровня, но лишь трансляторы уже провозглашенных поэтами идей [1, с. 118]. С определенной долей уверенности можно отметить, что и исследования культуры можно разделить на «поэтические», «пророческие» работы (тексты О. Шпенглера или М.М. Бахтина), и на тексты «ху-

дожников», «мастеров», обобщающих и анализирующих богатый культурологический эмпирический материал, но не предлагающих идей, которые можно воспринимать как некие «откровения» о путях развития культуры.

Коннотации, которые содержатся в «пророческих» текстах, можно по-разному интерпретировать, принимать их или являться их ярким противником. Но очевидно, что это разграничение текстов определяет ценностную шкалу произведений. Именно «вестнические» тексты представляют собой те неоспоримые источники, изучение которых и цитирование является неотъемлемой частью гуманитарного, культурологического образования.

Столь огромная роль авторской точки зрения, ее «поэтическое» выражение в тексте определили достаточно специфическое отношение исследователей культуры к изучаемому материалу. Статистические данные или исторические факты могут трактоваться в тексте в соответствии с научной интуицией автора, его личной позицией, жизненным, психологическим опытом. Поэтому часто исследования культуры подвергались критике со стороны специалистов в более узких, конкретных областях знания. Выводы в работах О. Шпенглера, М. Фуко, Э. Гидденса и других авторов основывались на ложной трактовке или явной подтасовке исторических фактов с точки зрения историков, литературоведов, социологов, историков искусства. В подобном вольном использовании исторических данных обвинялся, например, М. Фуко, чьи работы «История безумия в классическую эпоху» или «Надзирать и наказывать» были критично приняты историками [2, р. 167–175]. М. Фуко обвиняли в недопустимой для ученого манере обращения с историческими документами, которые он интерпретировал, игнорируя объективные факты и подстраивая их под положения своей теории. Однако «легкомысленное» с точки зрения критиков обращение с эмпирическим материалом не помешало М. Фуко создать тексты, в которых он предсказал трансформации представлений о человеке, происходящие в современной культуре.

1960-е годы для Европы были эпохой, примечательной во всех отношениях. В течение нескольких лет друг друга сменили события колоссального значения: окончательное разрушение колониальной системы, новые экономические программы, очередной виток противостояния государственной власти и граждан, студенческие и сексуальные революции, качественно новое столкновение двух мировых систем, наступление следующего этапа технологического уклада и т. д. Для литературы, философии и критики «новыми» оказались многочисленные разновидности структурализма, изменившие привычные взгляды на язык, стиль, форму произведения. Но, помимо изменения техник письма и разоблачения всех «глобальных историй», написанных со времен Просвещения, в 1960-е гг. гуманитарная мысль попыталась в очередной раз избавиться от метафизического, мистического и сущностного понимания человеческого опыта и свести его к набору практик и техник, применяемых человеком и к нему самому на протяжении его жизни. В архив философской мысли были отправлены рассуждения о «чистом опыте», «трансцендентальном», «внутреннем», «пограничном» и пр., т. е. весь набор понятий, представлявших человеческое существо и его мир в качестве сложной и не проясненной до конца системы, постоянно уклоняющейся от проверки и теоретического инспектирования.

Для того чтобы человек предстал перед гуманитарной мыслью «в своей наготе», избавившись от «метафизических одеяний», потребовалась почти вековая работа антропологов, этнографов, социологов, физиологов, иммунологов и т. д. Благодаря развитию этих дисциплин прежние абстрактные понятия (опыт, род, свобода) получили конкретное содержание. Важно отметить, что европейская классическая университетская философия тогда, в 1960-е гг., так и не сумела воспользоваться материалом, накопленным в рамках других отраслей знания. Для академической философии почти незамеченным осталось издание известной четырехтомной работы К. Леви-Строса, который одним из первых свел все многообразие общественных и личных отношений к элементарнейшим структурам. Столь же сомнительную оценку получили семинары и программные статьи Ж. Лакана, чьи работы способствовали освещению таких понятий, как «субъективация» и «приобщение к культуре». И, конечно, философия, культивировавшаяся в стенах университетов, утратила самое поверхностное внимание открытиям в области микробиологии и биохимии, по-прежнему считая, что высказывания этих наук строятся по принципу математических уравнений, чьим анализом должна заниматься математическая логика. Одним словом, философия, державшаяся за старые принципы, оказалась полным банкротом. Это позволило М. Фуко в одном из своих интервью заявить, что «сегодня философия исчезла, хотя и остались философы». «Этот молодой человек появляется на философской сцене, – говоря о М. Фуко, заключает обозревателница влиятельного французского еженедельника L'Express, – для того, чтобы возвестить замечательную новость: смерть Человека, в то же самое время возрождение того, кто человека изобрел и уничтожил, – Философа. Это заслуживает внимания!» [3, р. 95]. Творческая интуиция и сложный, зачастую маргинальный жизненный опыт определяют специфику произведений М. Фуко, его способ восприятия культуры и интерпретацию дискриминационного характера культуры.

Еще одним автором, чьи тексты, посвященные анализу культуры, несомненно содержат «пророческий», «поэтический» компонент, является М.М. Бахтин. Одним из центральных и обсуждаемых вопросов в исследованиях культуры и философии, который потребовал от М.М. Бахтина экзистенциального погружения, стало соотношение творческого (художественного) и научного (рационального) постижения действительности, культуры и человека: естественно-научного (объектного, позитивистского, сциентистского) способа мышления и гуманитарной (субъектно-интерсубъектной, культурологической, понимающей) стратегии познания и мироотношения. Основная специфика естественно-научной картины мира связана с жесткой детерминацией причинно-следственных связей и законов, что производит однозначную систему определений «истинное – ложное». Применение подобной объективно-детерминистической стратегии к интерпретации таких «слабоструктурированных» объектов, как человек и культура, ведет к формированию достаточно ограниченной системы представлений о человеке и мире культуры. Точно так же и культурные процессы теряют свою динамичность и органичность при использовании детерминистских подходов, превращаясь из динамичных структур в статичные объекты. Эту проблему одним из первых в европейской науке озвучил Ч. Сноу, сформулировав тезис о «двух культурах» – науке и искусстве – как двух формах интерпретации действительности [4].

М.М. Бахтин, включаясь заочно в эту дискуссию, уточняет: «Точные науки – этого монологическая форма знания, интеллект созерцает вещь и высказывается о ней» [5, с. 383]; направленная на безгласную вещь, научно-монологическая речь предстает как последнее слово. С точки зрения естественных и математических наук гуманитарное знание получило явно заниженный социальный статус. Основными характеристиками гуманитарных наук стали неточность, субъективность, образность, метафоричность, которые явно уступали чертам естествознания, интерпретируемого в терминах нормальности и подлинности [6, с. 142–145]. Для М.М. Бахтина подобное противостояние двух типов научного познания было неприемлемо, и он сформулировал фундаментальные основания «гуманитарного диалогизма», с помощью которого преодолевается вся «неточность» и «субъективность» гуманитарного знания [7, с. 94–114]. М.М. Бахтин утверждал, что в художественном, эстетическом познании критерием является «...не “я”, а “я” во взаимоотношении с другими личностями, т. е. “я” и “другой”, “я” и “ты”» [8, с. 319]. Тем самым М.М. Бахтину удалось убедительно доказать эвристичность и научную состоятельность гуманитарного знания в сравнении с позитивистскими конструкциями.

У идей М.М. Бахтина существуют предшественники. Еще В. Дильтей предложил разделение «наук о природе» и «наук о духе» и соответствующие им методы исследования – метод объяснения физического мира и метод понимания феноменов духа, свободы, культуры. Но собственно дильтеевское объяснение сущности метода понимания культуры настолько абстрактно, что оно, в свою очередь, породило множество интерпретаций методологий, применимых в исследовании феноменов культуры. Основным элементом «наук о духе» является, согласно В. Дильтею, непосредственное внутреннее переживание, в котором человек осознает свое существование в мире. Т. е. «науки о духе» становятся частью субъективного сознания через механизмы индивидуализации: человек не беспристрастно изучает действительность, а оценивает происходящее, наделяя окружающие объекты уникальными смыслами [9].

Эти идеи В. Дильтея соотносятся с типологией авторов, предложенной В.И. Фатющенко: автор может быть «поэтом-пророком» и «художником-мастером» и от этого зависит ценность того или иного произведения, того или иного текста. Собственно дильтеевская трактовка роли автора в исследовании культуры также подразумевает именно поэтическое, пророческое сопряжение исследователя с объектом исследования, с культурой, культурными процессами и феноменами культуры. Однако в современной культурной ситуации, когда большинство культурных процессов связаны с такими понятиями, как «массовость», «глобализм», «мультикультурализм», роль авторского, субъективного взгляда на культуру ставится под некоторое сомнение. Возникает проблема, которую четко выразил социальный конструктивизм, – это проблема типизации действительности.

Сегодня в разнообразных методологических текстах принято утверждать, что исключительно индивидуальные, особенные способы конструирования реальности, все восприятия, интерпретации и объяснения людей окружающего их мира культуры основываются на типичных представлениях [10, с. 152]. Индивидуальное, интуитивное проникновение и сопряжение с сутью культуры уступает место объектно-предметному анализу разнообразных культурных форм, в которых исследователи не обнаруживают уникального, а видят типичное и повторяемое. Результатом подобных типизаций в исследованиях культуры является современная тенденция ранжировать и оценивать гуманитарные исследования с помощью наукометрических показателей. Исследования культуры вновь сегодня должны сформулировать свой ответ на попытки лишить их оригинальных критериев и принципов, и это главная задача, которая поставлена перед современными авторами.

Ссылки:

1. Фатющенко В.И. Идея жизни в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 4. С. 117–129.
2. Miller J. *The Passion of Michel Foucault*. New York, 1994. 496 p.
3. Ibid. P. 95.
4. Волошинов А.В., Игнатова М.П. Проблема «двух культур»: от Чарльза Сноу до Ильи Пригожина // Человек. 2015. № 4. С. 36–50 ; Snow C.P. *The Two Cultures and the Scientific Revolution*. London, 1959. 66 p.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. 445 с.
6. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. 300 с.
7. Махлин В.Л. Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 94–114.
8. Бахтин М.М. Указ. соч. С. 319.
9. Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе / сост., общая ред. Г.К. Косикова. М., 1987. С. 108–135.
10. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996. 168 с.

References:

- Bakhtin, MM 1986, *Aesthetics of Verbal Creativity*, 2nd ed., Moscow, 445 p., (in Russian).
- Berger, P 1996, *Invitation to Sociology. A Humanistic Perspective*, Moscow, 168 p., (in Russian).
- Dilthey, V 1987, 'Introduction to the Human Sciences', in GK Kosikov (comp.) (ed.), *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX-XX vv. Traktaty, stat'i, esse*, Moscow, pp. 108-135, (in Russian).
- Fatyushchenko, VI 2001, 'The Idea of Life in the Works of F.M. Dostoevsky', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 4, pp. 117-129, (in Russian).
- Kuhn, T 1977, *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow, 300 p., (in Russian).
- Makhlin, VL 1993, 'Bakhtin and the West (Observation Experience)', *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 94-114, (in Russian).
- Miller, J 1994, *The Passion of Michel Foucault*, New York, 496 p.
- Snow, CP 1959, *The Two Cultures and the Scientific Revolution*, London, 66 p.
- Voloshinov, AV & Ignatova, MP 2015, 'The Problem of Two Cultures: from Charles Snow to Ilya Prigogine', *Chelovek*, no. 4, pp. 36-50, (in Russian).